

Свет любви и доброты

Осень на Руси всегда была временем завершения сельскохозяйственных работ и свадебной порой. Не случайно октябрь – «грязник» называли еще и «свадебником». В советские годы свадьбу, это важнейшее жизненное событие, приурочивали к 7 ноября, годовщине Октябрьской революции.

В далеком 1951 году после семилетней службы возвращались домой солдаты последнего военного призыва. В 1944 году им было по семнадцать, домой они вернулись двадцати четырех, двадцати пяти лет. Истосковались души по родным местам, руки – по крестьянской работе. Каждый мечтал о любви, семье, своем доме. Они вернулись в мае, когда цвела черемуха, а через полгода играли свадьбы в бичурских деревнях и улусах. Тогда подсмотрели себе невест «годки», бывшие курсанты 26-й снайперской школы Петр Калинович Иванов, Будажап Цыдыпович Ирдынеев, Анатолий Михайлович Паньков.

Они и их верные жены отмечают в ноябре 50-летие супружеской жизни, свой золотой юбилей.

Эти люди замечательные труженики, примерные и заботливые родители для своих детей, внуков и правнуков, просто добрые и порядочные люди.

Лад в семье помогал и помогает пережить все невзгоды. У них все, как у всех, только у каждого по-своему.

Наше повествование о семье Анатолия Михайловича и Ольги Павловны Паньковых.

Как люди находят друг друга? И что такое судьба? Может быть, просто цепь случайностей? Разве не могла выпускница Мамадышского педучилища Татарской АССР Ольга Соколова в немыслимо далеком 1948 году попасть по распределению и путевке комсомола в другой район, в другую республику? Но 18-летняя учительница начальных классов оказалась в Бурятии, где после войны катастрофически не хватало учителей.

-Вся наша группа получила направление в Сибирь,- вспоминает Ольга Павловна. - Ехали вместе с выпускниками Елабужского, Бугульминского, Казанского педучилищ. Что скрывать, волновались. Страшили чужой край, незнакомые люди. Но мы были молоды и ждали чуда встречи с новым.

Ехали медленно и долго. Представьте себе, из Казани до Улан-Удэ добирались ровно месяц. Но в душе жила романтика: Сибирь, Байкал, тайга... Увидели из окон вагона Байкал и запели "Славное море, священный Байкал". Фильм "Сказание о земле Сибирской", где мы впервые услышали эту песню, смотрели несколько раз.

Ехали, не имея документов, кроме комсомольских билетов. И только в Улан-Удэ, в Министерстве просвещения, получили аттестаты об окончании училища и паспорта. 2 сентября 1948 года заведующий Бичурским районо Ф.М.Степанов подписал приказ о нашем распределении. Смирнову Тасю, Кучерову Валю отправили работать в Окино-Ключевский детдом. Ерофееву (Белых) Зою - в Мотню. Макарову Тоню, мою лучшую подружку, в Красноярскую школу (село Слобода), а меня в Заготзерно. Вскоре Федор Михайлович "соединил" нас с Антониной Ильиничной, чтоб мы не плакали. Мы же с ней за одной партией в училище сидели. Книги "Три мушкетера", "Дети капитана Гранта", зачитанные до того, что рассыпались по страничкам, разделим, бывало, с Тоней на части и читаем под партией.

Так я оказалась в Красноярской школе.

Грело сердце то, что местные жители очень тепло и радушно встретили нас. Дали кровати, набили мы матрацы соломой, повесили на окна в "учительском" доме марлевые занавесочки.

Фекла Давыдовна Фомина истопит баню и заказывает с внучатами: "Пусть учительницы идут мыться". А незабвенная баба Зина, Зинаида Тимофеевна! Она была нам как вторая мать. Неграмотная, она любила слушать толстовский роман "Воскресение", который мы с Антониной Ильиничной читали ей в свободные вечера. Судьба Катюши

Масловой трогала ее до слез. Я приехала с большим чемоданом, набитым книгами и конспектами. Ну и конечно, поскольку почти три года училась в городе, была кое-какая одежда.

Молодая неутомимая учительница с головой окунулась в работу. Уроки, ежедневные дополнительные занятия с отстающими, с шестилетками, концерты в клубе, лекции для родителей, посещение на дому...

На все хватало энергии и силы молодости. Полнобилась просторная школа (кстати, у нее интересная история: школу в 1906 году построил купец из Петровского Завода для своего сына-учителя).

Послевоенная деревня еще не наелась досыта хлеба, колхозники по-прежнему не видели денег, работая за трудовни. Скучное убранство деревенских изб по вечерам освещалось керосиновыми лампами. На краешке кухонного стола ребятишки выполняли уроки.

"Помню, - рассказывает Ольга Павловна, - 14 октября 1949 года, на Покров, выпал сильный снег (он так и не растаял), так в этот день никто из детей не пришел в школу - не в чем было идти. Да что говорить, в школе не было часов, никаких, ни настенных, ни наручных у нас, учителей". На мой недоуменный вопрос: "А как же звонки на урок и с урока?" Ольга Павловна с присущим ей мягким юмором ответила: "А учили, пока не научим. Часы "Звездочка" купила на одну из первых зарплат. А тут нам радио провели. Знаете, какая радость была!"

Одна из учениц Ольги Павловны, ныне пенсионерка Татьяна Матвеевна Панькова, вспоминает:

- Трудное это было время. Я пошла в первый класс в отцовском френчике, каком-то белом платочке. На ногах у всех чирки, зимой - далембовые шаровары. Учительница - стройная, высокая, городская. Ольга Павловна и одеждой и речью отличалась от местных. Помню, в четвертом классе она перевезла нас через Хилок в Поселье, где мы должны были сдавать экзамены. Насадил, аж лодка осела, едва не черпая воду бортом. Она за весла - и на другой берег нас. И как не боялась?

- Молодая была, глупая, - смеется Ольга Павловна, вспоминая этот случай. - А что делать? Опаздывали на экзамены. Моста не было. Паром еще не пущен: май месяц. Я выросла на реке Вятке. Но Хилок не Вятка, у нас тихая, хоть и глубокая река. Снесло нас течением, но, помню, все мои ученики: Петя, Толя, Таня, Нюра, Клара - хорошо сдали экзамены.

- А еще, - продолжает Татьяна Матвеевна, - Ольга Павловна кормила нас. Помню, один мальчик от голода засыпал на уроке. Учительница его все время подкармливала.

Почти 40 лет отдала она одной школе, одному селу. Ее почитают и стар, и млад.

Детство Ольги Павловны вряд ли можно назвать счастливым. Отец-фронтовик вернулся тяжело контуженным. Может быть, она выбрала бы другую профессию, но в педучилище давали 400 граммов хлеба и стипендию на первом курсе 160, на втором 180, на третьем 200 рублей... Это и решило судьбу. Учащиеся педучилища много работали: 20 дней отработывали "на сене", грузили баржи зерном. С юности, познав труд и нужду, Ольга Павловна близко к сердцу принимает боль другого человека. Она полюбила этот край, ставший ей родным, его людей.

-Помню всех своих учеников, особенно первых. Это были дети войны, переростки, многие потеряли отцов на войне. Они ходили в школу с холщовой сумкой через плечо. Мальчикам отцы и старшие братья "конструировали" фанерные чемоданчики. Дети в ичихах. Глядишь, кое у кого стельки торчат. А село... Дома маленькие, крытые драньем. Заборов нет. Но жизнь не стояла на месте.

Ольга Павловна всегда была в водовороте событий. Человек принципиальный и энергичный, неутомимый и бескорыстный, она стала совестью села, его визитной карточкой. У нее много наград, но любовь односельчан, наверное, главная из них. А какие они, Анатолий Михайлович и Ольга Павловна, замечательные соседи. Скольким людям

помогли и сегодня помогают советом, и делом, и рублем. А какая Ольга Павловна хозяйка! Кто только не бывает в их гостеприимном доме. И никогда хозяева не отпустят без чая и угощения. Чай забелят не молоком, а свежими сливками, и стол накроют за считанные минуты.

Многokrатно избирали Ольгу Павловну депутатом сельского Совета, председателем женсовета, товарищеского суда, народного контроля. Она не ругала, а убеждала, но ее побаивались и семейные скандалисты, и нечистоплотные на руку люди. Ей до всего есть дело. И сегодня в своем почтенном возрасте Паньковы не знают, что такое безделье. К слову сказать, не понимают тех, кто находит деньги на выпивку, а вот содержать семью не на что...

Благополучно сложилась и ее женская судьба. Впервые они встретились в 1949 году, когда на побывку домой прибыл моряк Тихоокеанского флота Анатолий Паньков. Если быть точной, Анатолий Михайлович служил не на корабле, а в автомобильном батальоне Пятого флота. "Мы подвозили мины к кораблям, продукты, а также развозили по прибрежным сопкам наряды на посты," - рассказывает он. Но форма одежды была самая что ни на есть флотская, и этой службе он отдал ровно четыре года. Тогда на письмо Анатолия Михайловича из Владивостока Ольга Павловна не ответила... Прошло еще два года. У нее заканчивался срок "отработки", и все чаще посещали мечты о доме. Вторая встреча с Анатолием Паньковым весной 1951 года изменила все ее планы.

В их судьбах много общего.

- У нас в семье,- рассказывает Анатолий Михайлович, - было пятеро детей. Отец - инвалид. Я с 14 лет (это был сорок первый год) уже ямщик: возил зерно в Петровский Завод и в Харлун. Отец предостерегал: "Не хватай мешки". А что делать? Ноги трясутся, но тащишь. Стоял под зародом, пахал на конях. Коней люблю до смерти. А потом подошел и наш срок.

Родившийся в 1927 году, А.М. Паньков принадлежит к тем, кому выпал последний военный призыв. 27 декабря 1944 года началась для него армейская страда. 120 человек призвали из района в этот день и направили в Кяхту, в 26-ю снайперскую школу. В числе тех, кто провожал сыновей до Кяхты, был и отец Анатолия Михаил Константинович. Восемь месяцев учебы в снайперской школе, новые армейские друзья и командиры, имена которых ветеран и сегодня помнит "наизусть".

А мама, 50-летняя неграмотная женщина, с еще одной матерью-солдаткой ("Марией-болгаркой" из Буя) пешком пришла в Кяхту и нашла сына в Красных казармах. Это было накануне отправки курсантов на фронт. Их готовили на Запад, а отправили на Восток. Забегая вперед, замечу, что там, в Монголии, почти каждый из них писал заявление командованию с просьбой отправить на советско-германский фронт. Им отвечали стандартно: "Понадобится - отправим".

А пока пешком до Наушек, оттуда 7-й отдельный батальон попал в Песчанку. Началась семилетняя разлука с домом: стрелковый полк 293-й Краснознаменной дивизии, шоферская школа Тихоокеанского флота, служба в автобатальоне ТОФа и в 17-м отдельном батальоне охраны полевого штаба фронта.

За сухими строками военного билета - постоянное напряжение: со дня на день ждали нападения японцев. С утра до ночи делали и не могли переделать тяжелую солдатскую работу. А еще стылая обмерзшая землянка с нарами, наряды и марши на 100 километров, рытье окопов в звенящей, как металл, земле. И жаркое солнце пустыни в августе сорок пятого. В маршах до умопомрачения мучила жажда. Ни речек, ни колодцев в пути не было. Степь казалась раскаленной сковородкой, гибли товарищи от теплового удара, от голода. "Хотелось есть. Уже после войны служили во Владивостоке - сою ели. На железной лопате подсушим ее в котельной и едим."

Были трудные и тяжелые переходы и бои. Японские солдаты отличались высокой боевой выучкой, железной дисциплиной, даже фанатизмом.

Не любит вспоминать ветеран день, когда в окопе танк прошел над ними. Двое

получили тяжелую контузию, а друг рядом погиб. И вообще не любит вспоминать войну.

Зато как светились его глаза, когда он вспоминал тот май пятьдесят первого и свадебные хлопоты: две их молодые жизни переплелись в одну. Мне не пришлось напрягать фантазию, чтобы представить статную, с длинной русой косой молодую учительницу в белой блузке и синем жаккардовом сарафане и бравого 25-летнего фронтовика, хмельного от встреч с родными, от запаха березовой рощи, переполненного желанием работать и любить. Он торопился наверстать отнятое семью годами войны и службы.

Она:

-В тот день мы выступали в Посельском клубе. Возвращаясь обратно, несли в руках свои "концертные" костюмы. Он подходит: "Можно, я помогу вам?". Взглянула; тельняшка, бескозырка, брюки клеш, улыбчивые глаза и готовность к общению.

Он:

-Гражданской одежды совсем не было. Мама сшила на руках какую-то зеленую рубашку. Потом шаровары в моду вошли. К свадьбе родители продали корову и купили первый в моей жизни костюм.

Она:

- Все было по русскому обычаю: и предложение, и сватовство, и сама свадьба. Мои родные далеко, посаженным отцом был Андрей Дмитриевич Конечных, председатель колхоза. Свадьба была большая: на машине ("полуторный форд", -уточнил Анатолий Михайлович) и тройка с лентами и бубенцами. Конечно, не было специального свадебного платья (сгодилось сиреневое), ни фаты, ни колец, ни фотографий. Но был и выкуп, гармонь, песни и богатый по тем временам стол.

Он:

- Четыре года мы жили с родителями. Мишу, старшего, едва ли не до школы растили дед Михаил Константинович и бабушка Пелагея Арсеньевна. Они очень любили внучат. Теперь сын, как приедет домой, обязательно вместе с женой Любовью Иннокентьевной едет на кладбище.

Она:

- А потом начали строиться. Верите - нет, люди тогда помогали друг другу бескорыстно, не за деньги, не за водку. До 18-20 человек приходили на помощь. В 50-х годах началась массовая застройка. В какой-то год 22 дома построили, а в первый класс к Пане Арсентьевне Березовской, первой учительнице наших детей, пришло 32 ребенка.

Он:

- В новом доме труда жены не меньше, чем моего. Помню, надо было по обычаю закочевать до мая и на растущую луну. Апрель, холодно. Мы с Мишей (ему лет девять было) натопили печку, сходили на Хилок, воды принесли, чай в котелке вскипятили и первую ночь вдвоем ночевали в новом доме.

Она:

- Тане год справили уже здесь. Дети росли послушные, непритязательные. Детсада не было. Хорошей одежды купить было негде. Росли они, как все сельские дети. Мне на работу, отцу на работу, Миша с Таней одни дома. Придем - они все уберутся. Миша - лучший помощник отцу. В лес с ним ходил, на рыбалку, дрова пилили. К технике интерес появился.

Анатолий Михайлович сам любит технику и порядок во всем. Он работал шофером в МТС, лесничим Буйского лесничества, почти 20 лет техником-осеменатором. До сего дня любит лес и делает любую крестьянскую работу. Бесчисленными грамотами, премиями, значками и прочими наградами отмечен его добросовестный труд. Он любит лошадей и охоту, летние рассветы и Хилок, что в ста метрах от его дома. "Но больше всего, - замечает Ольга Павловна, - любит своих детей, внуков и правнуков".

Супруги Паньковы воплотили в детях все лучшее, что есть в каждом. От отца и матери унаследовали Михаил и Татьяна здоровье, трудолюбие, ум и человечность. Дочь живет в

Ангарске, работает в торговле. Воспитывают с мужем двух детей и внука. Сын прошел все ступени нелегкой военной карьеры. Окончил с отличием Саратовское военное училище, военную Академию имени Фрунзе. Служил в Волгограде, Калаче-на-Дону, в Грозном, Тынде, Хабаровске. Сейчас генерал-полковник Михаил Анатольевич Паньков живет в Москве, он Первый заместитель Командующего внутренних войск МВД России. Тяжела и ответственна его ноша. Высокие награды - Золотая Звезда "Героя России", орден Мужества, медали - свидетельства высокого профессионализма и отваги нашего земляка. Но снятся Михаилу Анатольевичу родные места, лес и тропки, отец и мать...»

А у родителей болит сердце обо всем и обо всех. Люди чуткие и деликатные, они не докучают сына расспросами о службе. Только не выключается радио в их доме, и домашние дела делаются под аккомпанемент сводок из Чечни, Ингушетии, Дагестана, а теперь еще Абхазии и Афганистана. И не ложатся они спать, пока не посмотрят по телевизору "от" и "до" "Вести" и "Новости". Тем не менее не могли родители доподлинно знать, что, к примеру, в 1996 году их сын не просто в течение пяти месяцев находился в служебной командировке, а лично возглавлял войсковую группировку на Кавказе. И осенью 1999 года генерал Паньков, в деталях знающий оперативную обстановку и состояние боевой готовности войск, вновь возглавил группировку внутренних войск МВД в Северо-Кавказском регионе. Он лично руководил проведением спецопераций в Дагестане, где было освобождено от боевиков 14 населенных пунктов. Сейчас уже не вспомнить, радостью или тревогой был заполнен для Паньковых день 14 октября 1999 года. На деревне празднуют Покров. Но именно в этот день в далеком Знаменском при проведении спецоперации подразделение внутренних войск попало в засаду. И их сын, взяв на себя руководство спецназа, вывел подразделение из-под огня противника, уничтожив бандгруппу и сохранив при этом свой личный состав.

Родители узнают об этом из прессы, к счастью, уже после того, как опасность миновала.

У всех на слуху названия населенных пунктов Чечни: Шелковская, Грозный, Толстой-Юрт, Червленая, Знаменская... Для генерал-полковника Михаила Анатольевича Панькова эти селения и города не географические понятия, а страницы жизни. Очень редко выпадает ему счастье обнять отца и мать, а они, люди великого терпения и мужества, трепетно ждут тот заветный день, когда на пороге появятся сын и дочь, невестка Люба, зятья Алексей, Юрий, Виталий и внучата Оля, Денис, Юля, Андрей. Анатолий Михайлович и Ольга Павловна еще не видели (но обязательно увидят!) правнука-первенца, которого назвали фамильным именем Михаил, и второго - Владислава. Как сохранить любовь? Мало ли случаев, когда нежность и жаркие чувства усыхают в тяготах бытия и привычной повседневности. Как в любой семье, наверное, были в их жизни малые и большие проблемы,

счастье и невзгоды, радость понимания и размолвки. Но никогда не было борьбы характеров, а житейские заботы не нарушали "погоды в доме". Они сохранили и пронесли через годы тепло, и любовь, и заботу друг о друге. Свою жизнь счастливой они сделали сами. И рядом с ними тепло другим.

Чем же измерить силу любви? Но если и в семьдесят с лишним лет они говорят друг о друге, - с трепетом и нежностью это, наверное, и есть высшая мера любви. И если она неизменно за столом подкладывает ему лучший кусочек, а он всю жизнь, возвращаясь из леса, приносит ей хоть пучочек земляники ли, костяники - это тоже мера любви.

Люди сердечные, невероятно скромные, гостеприимные и простые, они и сегодня трудятся, хранят тепло домашнего очага, и лучистые глаза Ольги Павловны по-прежнему приветливо встречают каждого, кто переступит порог их дома. И, как всегда, в полном порядке содержит свое немалое хозяйство Анатолий Михайлович. Пусть же продлятся дни дорогих юбилеев, и пусть всегда их дом освещает свет любви и доброты.

НЕЛЛИ КОРОБЕНКОВА